

Виктор Дмитриев

ЯЗЫК КАК ЭКОЛОГИЯ

*Дмитрий Медведев неприятно
удивлён обилием свалок в России.
Гигантские мусорные кучи он увидел,
когда начал летать на вертолёте.*

Эхо Москвы, Новости

Однажды, во время концерта, Фёдор Шаляпин обратил внимание на старичка, который был в явном потрясении от его пения. Вдохновение старичка передалось Шаляпину. Оба были счастливы. После концерта старичок подбежал к Шаляпину с восклицаниями: «Господи, какой скелет, какой мощный костяк, редчайший образец, редчайший!». Это был очень известный специалист, кажется, в области антропологии, не помню. Не знаю, какие песни и арии исполнял Шаляпин, но по сравнению с «костяком», с плечами, с торсом певца, эта песня была чем-то необязательным, что там и говорить. Для музея антропологии эта песня явно не годилась.

Предположим, по радио вы прослушали стихотворение Пушкина: «Я вас любил, любовь ещё быть может...», и раздаётся телефонный звонок. Звонит ваш приятель, лингвист и говорит: «Ты слышал, ты слышал?» «Да, - отвечаете вы, конечно. Он читал замечательно.» «А-а, да-да, конечно. Но как тебе само стихотворение?» Тут вы пребываете в некотором замешательстве. "Что ты имеешь в виду?" «Как? Ты не обратил внимание, что «стихотворение поражает уже самим отбором грамматических форм. Оно содержит 47 слов, в том числе всего 29 флективных, а из них 14, т.е. почти половина, приходится на существительные отвлеченного, умозрительного характера...»¹.

Надеюсь, вы узнали отрывок из статьи Романа Jakobсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Именно грамматику Jakobсон считает «сокровенной символикой стиха». Какого рода абберрация тут очевидна? Грамматическая структура воспринимается как структура собственно эстетическая. Jakobсон имеет полное право на такого рода подход, как знаменитый антрополог имел полное право на свой антропологический подход. Вопрос в другом: чем восхищался каждый из них?

Вот вам стихи, которые написаны ничуть не хуже, чем стихи Пушкина:

Я вас **пилил**, **пила** ещё, быть может,
В **руке** моей остыла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас **пилил** безмолвно, безнадежно,
То робостью, то нежностью томим;

Я вас **пилил** так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог, **пилимой** быть другим.

И вот лингвистический анализ Романа Якобсона:

«Стихотворение состоит из двух четверостиший перекрестной рифмовки. Местоимение первого лица, всегда занимая первый слог стиха, встречается в общем четыре раза - по одному случаю на каждое двустишие; в начальной и четвертой строке первого станса, в начальной и третьей второго. Я выступает здесь только в именительном падеже, только в роли подлежащего и притом только в сочетании с винительной формой ВАС»².

Этот грамматический анализ описывает две противоположные эстетические формы: первая это лирическое стихотворение. Вторая это *пародия* на стихотворение. То есть вы понимаете, что в нашем конкретном случае это пародия на грамматический разбор, а не на стихотворение, но тем интереснее ситуация: получается, что это один и тот же анализ уже **трёх разных** эстетических форм, то есть - трёх разных эстетических ситуаций. Таким образом, никакого конкретного эстетического анализа просто *нет*. Нам дан лингвистический анализ утопии (кажущейся реальной реальности), причём это анализ, который мы, вдобавок ко всему прочему, воспринимаем как *собственно утопию*...

Мы согласны, что ритмико-фонетические структуры очень тесно связаны с чисто грамматическими моментами формы, и даже более того, мы согласны с тем, что без этих грамматических моментов именно стихотворение как стихотворение было бы невозможно, точно так же, как музыкальная пьеса невозможна без сольфеджио. В искусно расставленных нотных знаках и заключается «тайная символика» музыкальной пьесы, но нас, как слушателей, интересует не тайная, а явная символика. То тайное, которое становится явным. Явной эта символика становится в процессе звучания (или «озвучивания», как теперь принято говорить), то есть, в процессе *исполнения*... Если бы Якобсон учил поэтов искусству использовать симметричные и асимметричные фигуры грамматики при создании стиха, то есть, если бы он обнажал тайны грамматики, это одно дело. Но речь идет об указании на то, что наступает момент, когда надо сдвинуть наше внимание с семантики на грамматику, и надо научиться восхищаться плетением грамматических конструкций.

Якобсон: «По свидетельству Вересаева, ему иногда казалось, что “образ только суррогат настоящей поэзии”. Так называемая “безобразная поэзия” или “поэзия мысли” широко применяет “грамматическую фигуру” взамен подавляемых тропов. И боевой хорал гуситов, и пушкинское “Я вас любил...” являются наглядными образчиками грамматических приёмов...»³.

Я подозреваю, что тут перефразируется Маркс. Речь идёт о классовой борьбе между прочно устоявшимися понятиями. Грамматика берёт верх над эстетикой. Якобсон увидел социальную революцию в её поэтической символической: мощный геотектонический разлом мировой истории, наклоняющиеся поверхности земной коры и по ним, как по палубе Титаника, соскальзывают вниз человеческие фигурки. Внизу, в аду, всех встречает хозяин этой новой жизни, уверяющий вновь прибывших в том, что теперь способы общения, к которым мы так привыкли, безнадежно устарели. Время индивидуальностей прошло, тут, при новом - не солнечном и не электрическом освещении и, вообще, при новых *глубинных* обстоятельствах, ситуация уже другая. Вот цитата из И. Сталина, которую с глубоким удовлетворением приводит Якобсон:

«Отличительная черта грамматики состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности...»⁴.

Согласно Якобсону, стало быть, грамматика, дающая правила словам «без конкретности» заменила собой *поэзию образную, поэзию безмыслия*. Одно непонятно: как слова без конкретности могут выразить собою мысль и особенно в «поэзии мысли». Якобсон предлагает мир литературы и искусства сведенный к формуле « $E=MC^2$ ». Его строгая теория грамматики утопична по существу. Это географическая карта виртуальной действительности. Карта подробная, вполне реальная, беда лишь в том, что она выглядит реальней самой действительности. Мир волновых частиц. Тут частица в одно и то же время может быть в двух разных местах. Но это как раз то, о чём мы тут и говорили: и лирика, и пародия на лирику, и пародия на грамматический анализ этой лирики... Вот-вот: частица, которая не имеет массы и пребывает в двух местах одновременно: и в том, где «я тебя люблю» и в том, где «я тебя пилю».

Во время работы над докладом я сменил его название и вот теперь вы вправе меня перебить вопросом: а причем тут «американизмы в русской прессе»? Таково было это новое название. Дело вот в чем: английский язык в его «русской» парадигме сегодня подобен, в каком-то смысле, теории Якобсона. Человек, вытесненный из привычного пространства-времени переселился в виртуальную реальность, и в ней этот человек оказался реальнее себя в мире, который был некогда реальным, но которого больше нет, он утратил свою материальность. Недаром сегодня так популярны практики (техники) выхода из тела. Когда выходишь из тела, мир мечты и иллюзии становится гораздо плотнее чем ты сам. Если люди попроще с наслаждением погружаются в мат (новое в этом только эксгибиционизм, то есть публичность погружения), то люди потоньше, вроде профессора Якобсона, погружаются в науко-образную эзотерику. Я два года выписывал американизмы из Интернета. В основном из Эха Москвы, но попадались, конечно, и

другие источники. Кончилось тем, что я устал и бросил это бесплодное занятие. Вот случайно выдернутые выражения:

Гайз, если не хватило денег на нормальную краску в достаточном количестве, давайте мы скинемся, купим и сами покрасим? То есть возникнет некий драйв неповиновения, и Путин - человек, который запускает этот драйв. Вышел в свет новый диск <...> бельгийского лейбла "Fuga libera". <...> на место выехал другой сотрудник <...> Он нашёл бейдж одного из нападавших. На нём значилось имя - Иван Козлов. С 22 марта можно апгрейдить билеты за мили на стойках регистрации. Уголовное дело в отношении руководства российской девелоперской группы заведено с подачи правоохранительных органов Казахстана. Если какой-нибудь материал выкладываю в паблик, проверяю все детали минимум на 2 раза. Имена студентов, чтобы не навредить, в паблик не выношу. Канал заключает со студией -- контент-провайдером договор

Виртуальная реальность - это телепатическая реальность. Это ещё одна техника выхода из тела. Так называемое - осознанное сновидение. Тебе снится, что ты почти американец и что это тебе не снится, а так и есть. Так называемые «трубки» и прочие средства общения, которые можно воткнуть в уши и укрепить перед ртом, это трансформаторы (или скажем так: трансмутирующие устройства, синхрофазатроны, ускорители снов), обращающие наше тело в частицу, лишённую массы, в частицу, которая может быть в нескольких местах сразу, одновременно... Что всё это значит? Что эстетическое измерение оказалось плотнее нас и, стало быть, тут же, автоматически, перестало быть эстетическим. Оно стало реальностью, в которую нам неинтересно входить, мы *сами по себе* гораздо интересней этой реальности. Искусство перестало быть утопией. Теперь утопия это «я», утопия переместилась в нас самих. Какой такой Бальзак? Я нажимаю на кнопки, вожу пальцем по экрану и передо мной мелькают миры... Не передо мной, а *во мне!*

Всякий раз, когда я еду по кампусу, чтобы запарковать машину, то постоянно чертыхаюсь. Студенты переходят улицу и смотрят в селлфон, в айфон, в смартфон... Сутулые, сосредоточенные, вы уже знаете, что я хочу сказать: не то частицы, не то лишь траектории этих частиц... И тут и везде одновременно... Я и сам такой, потому что всё время, когда хожу, о чём-то думаю, то есть никогда не бываю «здесь и сейчас вот в этот момент», но когда перехожу улицу, всё-таки стараюсь быть только на улице и только там, где я её перехожу, и уж особенно в момент, когда на меня едет машина... Я для себя, пока ещё, стало быть, всё-таки, ещё не утопия, а пусть какая-никакая, но все реальность.

Опасность экологической ситуации вот в чём: озоновые дыры, оказавшись внутри нас, уже не кажутся опасными. Это то самое ГМО, которое мы теперь едим вместо нормальной пищи. Если в глазах эстета,

знаменитого ученого, друга поэтов и так далее, Романа Якобсона замена портрета Моны Лизы её рентгеновским снимком означает очередной шаг в развитии искусства, то не равносильно ли это признанию того, что появление озоновых дыр равносильно освежению того состояния атмосферы, которое нам так надоело за долгие годы некоего консервативного экологического застоя, о котором, впрочем, уже никто и не помнит? Утопия уже не глядит в зеркало искусства, она глядит в зеркало самой себя, она по обе стороны от зеркала. Вы заметили как обвалился русский язык? Я говорю про ошибки, а не про теории, про письменную речь, а не про литературу... И вдруг стало понятно, что язык это тот самый костяк, которым так восхищался старичок антрополог. Кости гниют, рассыпаются... Что же ожидать от фигуры, от *лица*? Что ожидать от волшебного горла Шаляпина, которое скоро просто не сможет петь?

В утопии Романа Якобсона Иосиф Сталин оказался в одной компании с Пушкиным и Вересаевым, - чем же это не постмодернистский коллаж?⁵ Шутка в новейшем духе? Совмещённость низа и верха? Рентгеновского снимка и портрета, написанного акварелью? Грамматики и признания в любви? Диалектика без границ. У Сталина есть фраза, цитируемая Якобсоном, о том, что грамматика занимается не конкретными, а *всякими* предложениями. Возражаю обоим: читатель тем отличается от грамматики, что в читаемом тексте его интересуют не «всякие» предложения, а предложения полные смысла, имеющие совершенно особую, отнюдь не какую угодно форму; впрочем, и грамматика имеет в виду не всякие, а конкретные слова конкретного языка, но *в их собственно грамматическом измерении*, то есть: в такой структурно-функциональной инструментровке (интерпретации), которая позволяет посредством этих слов создавать образные композиции от самых примитивных, до высоко абстрактных, в том числе и художественных.

Без черепа нет лица, но череп без *лица* вполне возможен. Грамматика это череп. Она возможна без стихотворения. Она равнодушна к красоте стиха. Слова «любил» и «пилил» близнецы: глаголы прошлого времени, несовершенного вида, двусложные, с тремя согласными и двумя гласными, причем на три гласных «и» приходится только одна гласная «ю», да и та заключает в себе (как и «и») не два звука, а только один. Одним словом, стихотворение, оно как лицо, - без грамматики невозможно, но если

грамматика - это только о себе, то стихотворение - ещё и о чём-то другом, чего грамматика не улавливает. Американизмы могильными пятнами проступают на нашем лице... Это мертвеющая ткань нашего языка. А мы смотрим на них и радуемся своему обновляющемуся под новой косметикой лицу...

Пишу, сидя в Оклахоме, недалеко от того места, которое всё ещё называется город Мур. По этому городу прошелся торнадо, оставив одни фундаменты и груды мусора, все это еще вчера в полдень было самыми настоящими домами... Целый день на экране телевизора эти самые фундаменты и груды мусора.

Жить в погибающем языке и чувствовать себя его счастливым обитателем невозможно... Запах дома, перемешанный с запахом могилы... В голове почему-то вертится фраза: в ожидании Годо... Какой Годо? При чем тут Годо? Помню, лет десять назад, дня три провёл в России. Были с дочерью в Рошино. Рядом с домом сосновый лес. Пошли в сосновый лес, я и говорю: «Какая красота!». Спрашиваю дочку: «Слушай, а что, тут с зимы всё ещё снег лежит? Как странно». «Ты что, сейчас лето, а ты про снег. Это мусор». Самое жуткое воспоминание, которое унёс из России. К чему я это? Ах да, к смерчу, который разрушил город Мур. К тому, что на месте домов кучи мусора, да ещё к тому, что чуть ли не в тот же день, прочёл в Эхе Москвы, в новостях: «Дмитрий Медведев неприятно удивлен обилием свалок в России. Гигантские мусорные кучи он увидел, когда начал летать на вертолете... Медведев сказал, что русский народ живёт в неблагоприятной экологической среде».

Может, это я думал про Медведева, летящего в вертолете, а не про Годо? А, может, он и есть Годо? Задам-ка я ему вопрос: Господин Годо, а когда в России экологическая среда была благоприятна и если была, то для кого и когда? И слышу, как Годо мне отвечает: «Для стихов она была благоприятна всегда и вот вам доказательство:

«Кучера измаялись от крика
И хрипит и дышит тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас студёная зима.
Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нём таинственно лепечет

Чужеземных арф родник».

«Да, но, многоуважаемый господин Годо, говорят, что автор этих стихов тоже умер где-то на помойке...» Годо помолчал и мечтательно произнёс: «Но зато какой язык!» Хм, подумал я, этот Годо больше похож на Суркова, чем на Медведева. Наверное, Институт Культуры окончил, сразу видно... Хотя, как известно, Сурков уже не Годо...

Впрочем, господин Годо прав вот в каком отношении: сейчас в России, действительно, пишется много замечательных стихов... Но язык это не только стихи, это ещё и мы сами, и когда язык не защищён, когда филологические факультеты сокращаются, а то и закрываются, когда у профессоров и учителей копеечные зарплаты, когда уроки русского языка сводятся к минимуму, когда в одной из лучших радиостанций страны, в Эхе Москвы, полно не просто опечаток, а грубых грамматических ошибок, на хорошие стихи надежда плоха... В опасности не просто русский язык, само понятие опасности в опасности... Похоже, что мы теряем и сам экологический инстинкт, так что пятна американизмов на коже языка скоро будем воспринимать как румянец. Будем думать, что пьём живую воду из родника чужеземных арф, а это мёртвая вода утопии, которая утопит в себе нас всех. Химический состав утопии очень прост, это - психотропное средство для примирения со страшной, обрывающейся на самой себе реальностью, или, скажем так, - обрывающемся на самом себе времени. Язык-мутант прямо и откровенно указывает на мутирующих - то есть на нас... И никакая высокая культура, в своих не очень-то частых проявлениях, нас не спасет.

Мусорные кучи растут быстрее любого дерева...

¹ «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Roman Jakobson. Selected writings. t.III. The Hague-Paris-New York, Mouton Publishers, 1981. Стр.72.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Тут «постомодернистский» означает «внеэстетический».